

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ ИСКУССТВОВЕДЕНИЯ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЦЕНТРАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ
МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ИМЕНИ М. И. ГЛИНКИ

РУССКАЯ ДУХОВНАЯ МУЗЫКА
В ДОКУМЕНТАХ И МАТЕРИАЛАХ

Том V

АЛЕКСАНДР
КАСТАЛЬСКИЙ

СТАТЬИ
МАТЕРИАЛЫ
ВОСПОМИНАНИЯ
ПЕРЕПИСКА

Редактор-составитель,
автор вступительных статей и комментариев
С. Г. Зверева

Москва
2006

- Р 89 Русская духовная музыка в документах и материалах. Т. V. Александр Кастальский: Статьи, материалы, воспоминания, переписка / Гос. ин-т искусствознания; Гос. центральный музей музыкальной культуры им. М. И. Глинки; Ред.-сост., автор вступит. ст. и коммент. С. Г. Зверева. – М.: Знак, 2006. – 1032 с., ил. – (Язык. Семиотика. Культура.)

ISBN 5-9551-0151-9

Пятый том серии «Русская духовная музыка в документах и материалах» включает в себя практически всё известное литературно-музыкальное наследие крупнейшего русского духовного композитора Александра Дмитриевича Кастальского: его автобиографические материалы, статьи, интервью, доклады, тексты по методике церковного пения, а также обширную переписку (среди корреспондентов Кастальского, в частности, такие знаменитые музыканты, как С. В. Рахманинов, В. И. Ребиков, Б. В. Асафьев, и такой известный деятель церковно-певческого мира, как С. В. Смоленский). Весьма масштабный раздел дает широкий спектр мнений о творчестве Кастальского, высказанных как при его жизни, так и спустя десятилетия после его кончины. Книга содержит именную указатель, список музыкальных сочинений и обработок Кастальского, его литературных работ, библиографию.

Пятый том серии «Русская духовная музыка в документах и материалах» выходит к 150-летию со дня рождения А. Д. Кастальского.

ББК 85.318

ISBN 5-9551-0151-9

9 785955 101514 >

© С. Г. Зверева, ред.-сост., вступительные статьи и комментарии, 2006
© Знак, 2006

Содержание

<i>С. Г. Зверева. О А. Д. Кастальском и посвященной ему книге</i>	11
---	----

Раздел I А. Д. Кастальский как мемуарист, публицист и педагог

<i>С. Г. Зверева. О литературно-музыкальном наследии А. Д. Кастальского</i> .	33
---	----

Часть 1

Автобиографические материалы

О моей музыкальной карьере и мои мысли о церковной музыке	49
Из воспоминаний о последних годах	69
Анкетный лист	84
Жизнеописание Александра Дмитриевича Кастальского	89

Часть 2

Статьи, интервью, доклады

Письмо в редакцию	95
Женщины в церковных хорах (Ответы на вопросы редакции)	98
Насадители древнего пения (Из беседы с директором А. Д. Кастальским)	101
Музыка в православных храмах (Беседа с директором Синодального училища А. Д. Кастальским)	104
По поводу крестьянских концертов	105
«Всенощное бдение» С. В. Рахманинова	108
Наши беседы (У А. Д. Кастальского)	109
По поводу обновления	110
Простое искусство и его непростые задачи	121
Какими же новыми средствами выражения может обладать народно-пролетарское искусство?	129

Чаяния нового направления и обновления путей музыкального искусства	133
К вопросу об организации музыкальных занятий в Центральной студии Московского Пролеткульта	137
По поводу оркестрового и хорового репертуара для октябрьских торжеств	142
Об организации музыкально-этнографических секций на местах при МУЗО Наробразования	145
О плане концертной деятельности этнографической секции МУЗО Наркомпроса на 1921 год	148
Предисловие к книге «Особенности народно-русской музыкальной системы»	152
О вечере народностей в Большом театре	155
К проекту учреждения Народной академии хорового пения	159
О Московской Народной хоровой академии (Краткая справка)	166
О полезности и надобности Народной хоровой академии (Докладная записка)	169
К вопросу о слиянии Московской хоровой академии с Московской консерваторией	173
В совет хорового подотдела МГК (Докладная записка)	176
По поводу доклада Н. Я. Брюсовой о реорганизации хорового подотдела МГК	178

Часть 3

Учебные материалы

Общедоступный самоучитель церковного пения [Фрагменты]	183
Методика церковного и школьно-хорового пения [Фрагменты]	190
Хоровые краски	218

Раздел II

Современники о А. Д. Кастальском

С. Г. Зверева. А. Д. Кастальский в восприятии современников	227
---	-----

Часть 1

Прижизненные публикации

<i>И. В. Липаев</i> . Синодальное училище, его идеалисты, хор. Г-н Кастальский	239
<i>М. А. Лисицын</i> . Церковь и музыка (По поводу новых течений в музыкальном искусстве) [Фрагмент]	242
<i>Н. И. Компанейский</i> . Современное демество	248
<i>Н. И. Компанейский</i> . А. Д. Кастальский (По поводу 4-го выпуска его духовно-музыкальных сочинений)	254
<i>М. А. Лисицын</i> . Москва и Синодальный хор	260
<i>Игорь Глебов</i> [<i>Б. В. Асафьев</i>]. От «опытов» к новым достижениям (По поводу музыкальных «реставраций» Кастальского)	266
<i>В'ас</i> [<i>Б. В. Асафьев</i>]. Нотографические заметки	272
<i>Игорь Глебов</i> [<i>Б. В. Асафьев</i>]. Самое современное сочинение (По поводу Requiem'a А. Д. Кастальского)	276
<i>А. А. Сабанеев</i> . Музыка в Москве	280
<i>Игорь Глебов</i> [<i>Б. В. Асафьев</i>]. «Братское поминовение» А. Д. Кастальского	283
<i>Игорь Глебов</i> [<i>Б. В. Асафьев</i>]. Впечатления и мысли [Фрагмент]	290
<i>Игорь Глебов</i> [<i>Б. В. Асафьев</i>]. Пути в будущее [Фрагмент]	294
<i>Игорь Глебов</i> [<i>Б. В. Асафьев</i>]. Современное русское музыкознание и его исторические задачи [Фрагмент]	295
<i>С. А. Бугославский</i> . А. Д. Кастальский	301
<i>Н. А. Рославец</i> . О псевдо-пролетарской музыке	311
<i>А. А. Калтат</i> . О подлинно буржуазной идеологии гр. Рославца [Фрагмент]	318

Часть 2

Материалы 1927—1991 годов

<i>А. Н. Лебединский</i> . А. Д. Кастальский (Некролог)	321
<i>Соль</i> [<i>Е. Н. Лебедева</i>]. Александр Дмитриевич Кастальский	323

Вечер Московской государственной консерватории, посвященный памяти А. Д. Кастальского [Речи А. А. Давиденко, М. В. Иванова-Борецкого и Л. Н. Лебединского]	329
А. Н-ий [А. В. Никольский]. Публичное заседание и концерт ГИМНа, посвященные памяти А. Д. Кастальского	336
А. В. Никольский. А. Д. Кастальский как композитор и как исследователь народно-русской песни	338
А. В. Никольский. Памяти А. Д. Кастальского	345
В. В. Пасхалов. А. Д. Кастальский как этнограф и реформатор русского народного стиля в музыке	348
Игорь Глебов [Б. В. Асафьев]. Кастальский (Вместо некролога)	354
Игорь Глебов [Б. В. Асафьев]. А. Д. Кастальский	356
Игорь Глебов [Б. В. Асафьев]. О Кастальском	359
Игорь Глебов [Б. В. Асафьев]. Стиль а саррелла Кастальского и значение его	363
Игорь Глебов [Б. В. Асафьев]. Характерные особенности искусства Кастальского	366
Игорь Глебов [Б. В. Асафьев]. «Смерть Кастальского прошла совсем незамеченной»	369
Игорь Глебов [Б. В. Асафьев]. «Сильная хоровая культура нового столетия...»	374
Б. В. Асафьев. Мысли и думы [Фрагмент]	376
Б. В. Асафьев. Из устных преданий и личных моих встреч-бесед	379
Академик Б. В. Асафьев. «Александр Дмитриевич Кастальский — выдающийся мастер русского хорового письма»	384
И. А. Гарднер. К 100-летию года рождения А. Д. Кастальского	386
Н. А. Кастальская. «Нельзя человеку жить без корней...» (Наброски воспоминаний)	391
Н. А. Кастальская. Немного об отце	402
В. В. Пасхалов. Встречи и воспоминания	409
А. П. Смирнов. Памяти А. Д. Кастальского	417
С. А. Шумский. Московское Синодальное училище и возрождение национальной духовной музыки (Материалы для разработки темы)	420

Раздел III Переписка

Часть 1

А. Д. Кастальский и Х. Н. Гроздов

Вступительная статья	441
Переписка А. Д. Кастальского и Х. Н. Гроздова	455
Приложение: Три письма Н. А. Кастальской к Х. Н. Гроздову	570

Часть 2

А. Д. Кастальский и С. В. Смоленский

Вступительная статья	573
Письма А. Д. Кастальского к С. В. Смоленскому	580

Часть 3

А. Д. Кастальский и В. И. Ребиков

Вступительная статья	633
Из переписки А. Д. Кастальского и В. И. Ребикова	642

Часть 4

А. Д. Кастальский и А. В. Затаевич

Вступительная статья	673
Письма А. Д. Кастальского к А. В. Затаевичу	681

Часть 5

А. Д. Кастальский и С. В. Рахманинов

Вступительная статья	713
Из переписки А. Д. Кастальского и С. В. Рахманинова	725
Приложение: Письмо Е. Н. Лебедевой к С. В. Рахманинову	743

Часть 6

А. Д. Кастальский и Ч. Р. Крэйн

Вступительная статья	749
----------------------------	-----

Письма А. Д. и Н. Л. Кастальских к Ч. Р. и Дж. О. Крэйнам 763

Часть 7

А. Д. Кастальский и Б. В. Асафьев

Вступительная статья 775

Письма А. Д. Кастальского к Б. В. Асафьеву 792

Приложение

Письмо А. Д. Кастальского к П. П. Сувчинскому 814

Из переписки Б. В. Асафьева и В. В. Держановского 816

Письма Н. Л. и А. А. Кастальских к Б. В. Асафьеву 846

Из переписки Б. В. Асафьева и А. В. Затаевича 848

Часть 8

А. Д. Кастальский и Н. Л. Кастальская

Вступительная статья 857

Письма А. Д. Кастальского к Н. Л. Кастальской 861

С. Г. Зверева. О судьбах церковно-музыкального наследия
после 1917 года 941

Список опубликованных музыкальных сочинений и
обработок А. Д. Кастальского 959

Список опубликованных статей, интервью,
писем, учебных материалов и научных работ А. Д. Кастальского 967

Библиография 969

Указатель имен 988

Список сокращений 1029

О А. Д. Кастальском и посвященной ему книге

После четвертого тома серии «Русская духовная музыка в документах и материалах», где впервые была осуществлена публикация «Воспоминаний» С. В. Смоленского¹, вниманию читателей представляется пятый, тоже монографический том, в центре которого — ведущий духовный композитор предреволюционной России А. Д. Кастальский. Если Смоленский являлся вдохновителем и идеологом Нового направления в русской духовной музыке рубежа XIX—XX веков, родственного «новому русскому стилю» в художественном искусстве, то Кастальский был одним из наиболее ярких композиторов этого направления. В данном контексте значение связанных с именем Кастальского материалов сравнимо со значением литературного наследия В. М. Васнецова.

Подобно Васнецову, Кастальский был тесно связан с Москвой. Мир русской старины с ее церковными роспевами и мирскими песнями, народным и храмовым зодчеством, иконописью и прикладным искусством пронизывает музыку Кастальского. Он одновременно являлся и тонким ценителем искусства древности, и пытливым его исследователем-реставратором, и мечтателем-сказочником, которого буйная фантазия уносила то в Древнюю Русь, то далеко за ее пределы — в Египет, Китай, Грецию, Иудею... Он пытался искать способы расширения возможностей музыкального языка, ставя во главу угла задачу обновления искусства. Именно идея движения вперед, столь близкая композитору, помогла ему «удержаться на плаву» после революции. Дав волю фантазии, он создал невиданные ранее русским искусством музыкальные миры, сочетавшие интонации французской революции, русской деревни и православного богослужения. Другим краеугольным камнем философии Кастальского была идея братства объединенных общими испытаниями народов разных стран и вероисповеданий.

Если же говорить о творческой сфере, где Кастальским достигнуты результаты непреходящего значения, то таковой была духовная музыка. Композитор являлся ключевой фигурой духовно-музыкального возрождения рубежа веков, и его церковные композиции (Кастальским написано около 130-ти хоров), а также выросшие из церковно-певческих жанров или родственные им сочинения (монументальное «Братское поминовение», кантаты, музыкальные действа и реставрации) составили ценнейший пласт русского искусства.

Однако влияние Кастальского на современных ему духовных композиторов определялось не только талантливой новаторской музыкой. Напомним, что с 1891 года, в течение почти двадцати лет, Кастальский дирижировал Си-

¹ Русская духовная музыка в документах и материалах. Т. 4: Степан Васильевич Смоленский. Воспоминания / Подгот. текста, вступ. ст. и коммент.: Н. И. Кабанова. Науч. ред.: М. П. Рахманова. М., 2002.

нодальным хором — одной из лучших хоровых капелл Российской империи, которая пела за богослужениями в Успенском соборе Московского Кремля, а также давала духовные концерты, имевшие широкую известность. Церковная музыка Кастаньского с конца 1890-х годов звучала под управлением выдающихся хоровых дирижеров В. С. Орлова и Н. М. Данилина. Для этого хора и были написаны в 1896 году первые духовные композиции Кастаньского, получившие общественное признание; для него же, главным образом, предназначались и все последующие работы автора. Кастаньский, Синодальный хор и Успенский собор Московского Кремля в восприятии современников были нераздельны.

С 1887 года Александр Дмитриевич служил преподавателем в Синодальном училище церковного пения, где обучались мальчики-певчие Синодального хора, а с 1910 года он являлся директором этого учреждения. Таким образом, Кастаньский был «мастером» целой школы «подмастерьев», воспитанных на его музыке и идеях. Впоследствии многие из них — Н. С. Голованов, С. А. Шумский, В. П. Степанов, С. А. Жаров, К. Н. Шведов и другие — стали видными музыкантами. Создание в России высшего хорового церковно-певческого учреждения, равного по статусу консерватории, было мечтой Кастаньского, которую ему удалось воплотить в 1910-е годы в Московском Синодальном училище.

Не следует также забывать об участии Кастаньского в работе московской Музыкально-этнографической комиссии, о научных изысканиях в области этнографии, начатых еще до революции, о попытках создать на основе фольклора новые музыкальные жанры. Всю эту деятельность освещала вера композитора в лучшую долю русского искусства, в его способность развиваться самостоятельно и давать новые живительные импульсы искусству мировому.

Русское начало в творчестве и личности Кастаньского, развитие им национальных музыкальных традиций определили место композитора в ряду тех, кого называли «народниками», «самобытниками», «архаистами». После октября 1917 года художникам, подобным Кастаньскому, в СССР были уготованы штампы «реакционер», «церковник», «националист». В то же самое время имя Кастаньского стало символом русской идеи для многих его православных соотечественников, заброшенных на чужбину или оставшихся на родине, но сохранивших верность церкви и духовным ценностям старой России.

Кастаньскому, как и В. М. Васнецову, было суждено прожить в изменившемся до неузнаваемости мире еще девять лет, в течение которых он пытался сохранить, хотя бы в реформированном виде, Синодальное училище церковного пения, в 1918 году преобразованное в Народную хоровую академию. В это время, развивая свои дореволюционные идеи об уникальности русского музыкального искусства, композитор особенно пристально сосредоточился на проблемах народного образования и изучении музыкального фольклора, со-

здал научные труды, посвященные русской народной песне². Уже в 1918 году Кастальский стал одним из активных членов Пролеткульта и Музыкального отдела Наркомпроса, далее сотрудничал с Государственным институтом музыкальной науки, Государственной академией художественных наук, Ассоциацией пролетарских музыкантов и др. В 1923 году, когда Народная хоровая академия была упразднена, Кастальский был назначен руководителем созданного на ее основе инструкторско-хорового подотдела Московской консерватории, получив звание профессора.

Подобно его товарищам по дореволюционному цеху духовных композиторов и исследователей-этнографов, поколение которых ушло из жизни в 1920-е—1940-е годы (П. Г. Чеснокову, А. В. Никольскому, Викт. С. Калининскому, Я. А. Богатенко и другим), Кастальскому было суждено окончить земной путь в изменившемся, враждебном церкви мире. По сути дела, в возрасте 61-го года он начал творческую карьеру заново, завершив свою вторую, весьма короткую жизнь, в качестве ведущего советского композитора и музыкально-общественного деятеля.

Осмысление творчества Кастальского началось вскоре после выхода в свет его первых духовно-музыкальных композиций, написанных в «новом русском стиле»³. Самая ранняя публикация, возвестившая о появлении на музыкальном горизонте композитора Кастальского, появилась в конце 1896 года в газете «Московские ведомости». О его произведениях было упомянуто в рецензии на выступление Синодального хора, который в ту пору переживал блестящий расцвет и находился под пристальным взором журналистов. С 1897 года и вплоть до 1917 редкие заметки или рецензии на концерты Синодального хора обходились без имени Кастальского, духовные композиции которого занимали все большее место в концертном и богослужебном репертуаре этой знаменитой капеллы⁴. Газетные публикации сопровождали хор везде, где бы он ни выступал: в Москве, Петербурге, Курске, Туле, Варшаве, Вене, Риме, Флоренции, Дрездене, Берлине, Лейпциге... В 1900-е го-

² А. Д. Кастальский. Особенности народно-русской музыкальной системы. М.; Пг., 1923; Основы народного многоголосия. М.; Л., 1948.

³ См. раздел «Библиография» в конце настоящего тома. Более подробный анализ публикуемых в данной книге материалов о Кастальском см. во вступительной статье ко 2-му разделу.

⁴ О том, какие сочинения композитора, где и в какие годы были исполнены Синодальным хором, читатель может узнать из свода концертных программ, который приводится во 2-й книге 2-го тома серии «Русская духовная музыка в документах и материалах» (М., 2004). Там же в разделе «Рецензии и отклики» помещены наиболее содержательные публикации периодической печати об этих концертах.

ды в его репертуаре стали появляться музыкально-исторические реставрации Кастаньского.

В числе рецензентов, писавших о сочинениях Кастаньского в связи с выступлениями Синодального хора, следует назвать таких известных критиков, как С. Н. Кругликов, И. В. Липаев, Н. Д. Кашкин, Н. Р. Кочетов, Н. И. Компанейский, А. В. Никольский, В. В. Держановский, А. В. Затаевич, Г. Э. Конюс, Ю. С. Сахновский, Г. Н. Тимофеев, Б. Д. Тюнеев, А. А. Сабанеев, Г. П. Прокофьев. Заграничные рецензии были зачастую анонимными. Британских читателей ознакомила с музыкой Кастаньского московский корреспондент газеты «The Monthly Musical Record» Е. М. Тидебёль⁵.

Гораздо меньше публикаций, в которых упоминалось имя Кастаньского, появлялось в периодике в связи с исполнением его произведений другими хорами — Придворной певческой капеллой в Петербурге, частными хорами Л. С. Васильева в Москве, М. А. Надеждинского в Киеве и т. д. Отдельно следует отметить публикации, посвященные исполнению в 1917 году «Братского поминовения»: первоначально в Петербурге хором и оркестром Мариинского театра под управлением А. И. Зилоти, а затем в Бирмингеме городским фестивальным хором и оркестром под управлением Г. Вуда.

Ряд заметок, в которых упоминались сочинения Кастаньского или рассматривалась его биография, был связан с Синодальным училищем церковного пения. Самая ранняя из них появилась в «Русской музыкальной газете» в 1898 году, когда училище возглавлял С. В. Смоленский. Автор публикации, издатель газеты Н. Ф. Финдейзен, приехав в Москву, был поражен новым образцовым учебным заведением и нарождающейся в его стенах композиторской школой. Однако наибольшее количество публикаций о Синодальном училище появилось в 1910-е годы. В то время под руководством Кастаньского в нем проводилась новая реформа, задачей которой было создание высшего церковно-певческого учебного заведения⁶.

⁵ Е. М. Тидебёль (Тидеболь), родившаяся и умершая в России немка, начиная с 1900 года писала репортажи о русской музыкальной жизни для иностранных журналов, а также выступала на международных конференциях по проблемам русской музыки. (См.: Е. М. Тидеболь. Некролог // Музыкальное образование. 1928. № 2. С. 89.)

⁶ В 1910-е годы Синодальное училище, перешедшее на новые учебные программы, по количеству учебных предметов и часов, отведенных на их изучение, превосходило Московскую консерваторию. Наиболее сильной стороной училища были хоровые и музыкально-теоретические дисциплины. Незадолго до революции началась процедура официального оформления нового статуса Синодального училища, однако до 1917 года бумаги не успели пройти надлежащие инстанции. После революции дипломы училища приравнивались к дипломам других высших учебных заведений. (См. вступительную статью к разделу «Учебные программы. Проект нового Устава Московского Синодального училища церковного пения (1914)» во 2-й книге 2-го тома РДМ.)

Имя композитора можно также видеть и в заметках времен революции, рассказывающих об упразднении в 1918 году Синодального хора и преобразовании Синодального училища в Народную хоровую академию, ректором которой был назначен Кастальский⁷.

Творчество композитора нередко становилось предметом споров, развернувшихся на страницах дореволюционных газет и журналов в связи с Новым направлением в духовной музыке. Со страниц периодики Кастальский предстает то творцом-художником, открывшим необъятные горизонты свободного художественного высказывания и эксперимента в церковном искусстве, то ниспровергателем устоев. (Особенно явное противодействие встретило высказанное им в 1918 году предложение ввести фисгармонию в русскую церковную службу⁸.) Для одних Кастальский был долгожданным спасителем русской духовной музыки, первооткрывателем национального стиля, для других — лишь пророком, за которым должен придти мессия⁹.

Однако участники дискуссий, порой находившиеся по разные стороны баррикад, единодушно признавали сочинения Кастальского выдающимся художественным явлением; поклонниками творчества композитора были тысячи слушателей. Искреннее, захватывающее, пронизанное русским мелосом хоровое наследие композитора оказалось как нельзя более созвучным национальному идеалу. Кастальский оказался одним из наиболее ярких выразителей «русской идеи» в музыке конца XIX — начала XX века, что определило довольно причудливые контуры оценки его творчества и идей после революции.

Несмотря на то, что Кастальский после 1917 года сумел остаться видной фигурой музыкального мира, посвященная ему библиография того времени весьма немногочисленна. Похоже, что периодические издания, как сетовал сам Александр Дмитриевич, действительно замалчивали его достижения¹⁰.

⁷ Наиболее интересные и значительные публикации, связанные с Кастальским и Синодальным училищем церковного пения (а затем Народной хоровой академией), помещены в разделе «Статьи и заметки» во 2-й книге 2-го тома РДМ.

⁸ О дискуссиях по поводу введения музыкальных инструментов в православное богослужение см. в разделе «Поместный Собор Русской Православной Церкви 1917—1918 годов. Материалы о церковном пении» в 3-м томе РДМ (М., 2002. С. 692—696, 808—816). См. также интервью с Кастальским «Музыка в православных храмах» в 1-м разделе настоящего тома.

⁹ Целый ряд подобных материалов опубликован и проанализирован в 3-м томе РДМ в разделах «Полемика рубежа веков» и «Новое направление».

¹⁰ После революции деятельность Кастальского не только замалчивалась, но и подвергалась нападкам и осмеянию. (См. во вступительной статье ко 2-му разделу.)

О таковых вспомнили лишь в 1926 году — первоначально в связи с творческим юбилеем Кастальского, а затем — с его смертью.

Последнее событие всколыхнуло музыкальную общественность, почтившую композитора «венком» из посмертных статей, самые яркие из которых принадлежали Б. В. Асафьеву¹¹. Эхо смерти Кастальского разнеслось по зарубежным странам, где у его музыки было немало поклонников. Так, в Великобритании в 1927 году была издана статья Асафьева «Kastalsky and Russian Church Music», а в 1929 году — статья В. М. Беляева «Kastalsky and his Russian Polyphony» (обе — в переводе С. Принга). В 1927 году словарная статья о композиторе, написанная Р. Ньюмарч, впервые появилась в Энциклопедическом словаре Грова.

В конце 1920-х—1930-е годы, на фоне новых тяжелых испытаний, обрушившихся на церковь и русскую культуру, интерес к Кастальскому, казалось бы, безвозвратно угас. Тем более неожиданным было пристальное внимание к нему в 1940-е годы, когда о некогда знаменитом церковном композиторе не только вспомнили добрым словом, но и поставили его в ряд «наиболее передовых демократических деятелей русской музыки XX века»¹².

Одной из публикаций, предвещавших подобный поворот событий, стали записанные Асафьевым высказывания известных музыкантов на тему «русское в музыке», которые вышли в свет в 1943 году вскоре после приезда ученого в Москву из блокадного Ленинграда¹³. Кастальский был представлен Асафьевым как один из немногих русских композиторов, сумевших, благодаря его связи с народно-песенными истоками, выразить в музыке национальную ее сущность. (Именно в этом материале Асафьев привел мнение Римского-Корсакова о Кастальском, ставшее затем хрестоматийным: «Пока жив Кастальский — жива русская музыка».) В годы военных потрясений подобные свойства музыки Кастальского были созвучны атмосфере национального подъема.

Русская ипостась композитора, вывернутая, однако, на советский официальный лад и отделенная от ее православной первоосновы, была востребована в 1948 году, когда Кастальский был упомянут в материалах Первого всесоюзного съезда советских композиторов. Его имя было названо в группе авторов, охарактеризованных как «здоровое явление, выросшее на основе прочного ус-

¹¹ Один из наиболее талантливых русских музыковедов, начавших свою деятельность до революции и завершивший ее в 1949 году в звании академика АН СССР, Асафьев принадлежал к числу тонких ценителей и горячих приверженцев Кастальского. См. публикации Асафьева о Кастальском во 2-м разделе настоящего тома, письма Кастальского и Асафьева в 3-м разделе тома, а также вступительные статьи к этим разделам.

¹² Житомирский Д. В. Идеи А. Д. Кастальского // Советская музыка. 1951. № 1. С. 36—44.

¹³ Асафьев Б. В. Через прошлое к будущему. Из устных преданий и личных моих встреч-бесед // Советская музыка. Сборник 1. 1943. С. 19—23.

воения музыкальной классики»¹⁴. (Вместе с Кастальским в нее попали Глазунов, Танеев, Рахманинов, Лядов, Гречанинов, Ипполитов-Иванов и Глиэр.) Не был забыт Кастальский и на собрании композиторов и музыковедов Москвы во время обсуждения постановления ЦК ВКПб от 10 февраля 1948 года «Об опере “Великая дружба” В. Мурадели». Так, Е. В. Гиппиус напомнил, что «Кастальский первым поставил вопрос о теоретической разработке национально-своеобразных закономерностей русской народной хоровой полифонии и русской гармонии»; М. С. Пекелис упрекнул фольклористов за то, что они «не удосужились за 20 лет выпустить сохранившуюся в архиве А. Д. Кастальского вторую часть его замечательного труда» о народной песне; Л. Н. Лебединский сетовал, что Кастальский, «о котором сейчас говорят как об одном из самых ярких национальных композиторов и исследователей народной песни», после смерти был удостоен лишь краткого некролога¹⁵.

В том же году впервые, по инициативе Асафьева и под редакцией В. М. Беляева, была опубликована оставшаяся после смерти Кастальского в рукописи работа «Основы народного многоголосия», которую автор замыслил как энциклопедию русского народно-песенного языка. Вторая половина 1940-х — начало 1950-х годов — пик внимания к композитору в послевоенном СССР. Так, в юбилейном 1946 году радиопередачу о своем учителе сделал известный дирижер Н. С. Голованов, под управлением которого было исполнено и записано на радио сочинение Кастальского «Сельские работы в народных песнях»¹⁶. Однако тон публикаций о композиторе задавал Асафьев: в 1948 году по радио был зачитан его текст, посвященный 20-летию смерти Кастальского, в котором содержался призыв изучать хоровые произведения мастера наряду с «сильнейшими хорами Мусоргского и Бородина»¹⁷. Кстати, Голованов и Асафьев, в советское время сочинявшие духовную музыку, посвятили ряд песнопений памяти Кастальского¹⁸.

¹⁴ Доклад генерального секретаря Союза советских композиторов Т. Хренникова «Тридцать лет советской музыки и задачи советских композиторов» // Первый все-союзный съезд советских композиторов. Стенографический отчет. М., 1948. С. 27.

¹⁵ Советская музыка. 1948. № 1. С. 76, 91, 99.

¹⁶ Смирнов А. П. Николай Голованов // РДМ. Т. 1. С. 547; Записи Н. С. Голованова-дирижера // Голованов Н. С. Литературное наследие. Переписка. Воспоминания современников. М., 1982. С. 251, 261.

¹⁷ Материал опубликован в журнале: Советская музыка. 1951. № 12. С. 35. В настоящем томе помещен под заголовком «Александр Дмитриевич Кастальский — выдающийся мастер хорового письма».

¹⁸ См.: Николай Семенович Голованов. Духовные произведения для смешанного хора а саррелла / Ред. и примеч. О. И. Захаровой. М., 2004. С. 251; Зверева С. Г. Неизвестный Асафьев // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник за 1998 год. М., 2000. С. 187—198.

В ближайшие годы прославление композитора продолжалось¹⁹. Однако в это время обсуждалось не столько его музыкальное творчество, сколько новаторские идеи, подкрепленные имевшими практическую направленность научными трудами о народной песне. В статье 1951 года «Идеи А. Д. Кастальского» Д. В. Житомирский еще раз изложил типичный для того времени взгляд на поиски композитора:

Свежесть и острота мыслей Кастальского заключались в том, что он стремился по-новому почувствовать и осознать специфику народного стиля, по-новому поставить вопрос о степени участия этого стиля в профессиональной композиторской культуре. В данном вопросе Кастальский выступал как реформатор, продолжавший в советских условиях дело наиболее смелых передовых представителей русской музыки прошлого²⁰.

В опубликованной в 1954 году 3-й части «Истории русской музыки» Ю. В. Келдыша, отразившей сложившуюся к тому времени официальную концепцию музыкального исторического процесса, указаны и «слабые стороны» композитора:

Творческие установки Кастальского не были свободны от известной узости и консерватизма. В его стремлении к точному, буквальному воспроизведению традиционного склада русской народной песни в «чистом» и неприкосновенном виде проявились известные черты пассивного любования. Это вызывало у него иногда недооценку и непонимание выдающихся классических образцов русской музыки, основанных на активном творческом отношении к народно-песенному материалу²¹.

О духовно-музыкальном наследии Кастальского и реформе Смоленского в этом труде было сказано следующее:

¹⁹ Весьма характерен в этой связи первый номер журнала «Советская музыка» за 1951 год, который открывался передовицей на тему «О народности советской музыки», направленной против «космополитизма». Далее назидательно помещались статьи о двух уже умерших композиторах, весьма преуспевших в создании музыки, «народной по форме и национальной по содержанию»: Григорьев А. В. С. Калинин (К 50-летию со дня смерти) // Советская музыка. 1951. № 1. С. 65—69; Асафьев Б. В. О Кастальском // Там же. С. 35; Житомирский Д. В. Идеи А. Д. Кастальского // Там же. С. 36—44. Кастальский упоминался и в опубликованной в том же номере статье Т. Цытович «Тема социалистического труда в советской музыке» (с. 19—20) в связи с «убедительным претворением» в его хоровых сочинениях темы крестьянского труда.

²⁰ Житомирский Д. В. Там же. С. 39.

²¹ Келдыш Ю. История русской музыки. М., 1954. С. 476.

В своей деятельности культового композитора Кастальский находился под влиянием тех реакционно-реставраторских тенденций, которые получили наиболее яркое законченное выражение в работах известного знатока и исследователя церковного пения С. В. Смоленского. Его мысль о возможности вызвать широкое народное движение в музыке путем возрождения древних форм церковно-певческого искусства являлось насквозь ложной и утопической и уводила его в сторону от прогрессивных интересов современной ему жизни²².

Таким образом, «русская идея» Кастальского, до революции окрашенная в народно-православные тона, была востребована в мрачный период истории русской музыки конца 1940-х — начала 1950-х, когда из многих ее граней была выхвачена лишь одна — «народно-демократическая». Для того чтобы восстановить подлинный портрет Кастальского и оценить истинное значение им сделанного, потребовались еще долгие годы.

Имя и искусство Кастальского были национальными символами не только на его родине. Почитание композитора продолжалось после 1917 года и за «железным занавесом», где оказалась востребованной его православная ипостась. Более того, именно в русской эмиграции созданное им творческое направление в церковной музыке нашло своих продолжателей, из коих наиболее последовательными были регенты и церковные композиторы М. М. Осоргин (Париж), Б. М. Ледковский (до второй мировой войны подвизавшийся в Европе, а затем в США), И. А. Колчин (Китай, США), ученые и композиторы И. А. Гарднер (Югославия, Палестина, Австрия, Германия), А. А. Сван (США) и др. В эмиграции оказался друг и сподвижник Кастальского по Новому направлению А. Т. Гречанинов, а также ряд музыкантов, учившихся у Кастальского в Синодальном училище: К. Н. Шведов, А. Г. Чесноков, Д. П. Орлов, Н. Н. Щеглов (в эмиграции известен как М. Куликович), С. А. Жаров, П. А. Александров, Н. Д. Бунаков (в эмиграции Ф. П. Русановский). Не были забыты и этнографические идеи Кастальского, нашедшие продолжение в работах Ю. И. Арбатского (США)²³.

В 1950-е годы в связи со 100-летием со дня рождения Кастальского в русских заграничных газетах появились посвященные ему статьи Н. Ново-

²² Там же.

²³ См.: *Арбатский Юрий. Этюды по истории русской музыки.* Нью-Йорк, 1956. В начале 1940-х годов, живя в Праге, Арбатский подготовил оставшийся неизданным сборник обработок народных песен для детей, о котором историк музыки И. И. Лапшин писал автору: «Ценная новость Вашего сборника — применение начал «системы» русской народной песни Кастальского». (Письмо И. И. Лапшина к Ю. И. Арбатскому, май 1943 года — BAR, Vernadsky Coll, Box 17, Folder: Correspondence — Arbatskii, Yurii. 1. 1950—1955.)

жилова, П. А. Александрова и И. А. Гарднера²⁴. В 1958 году вышла статья пионера американской музыкальной русистики А. А. Свана «Russian liturgical music and its relation to twentieth-century ideals», в центре внимания которой — направление Кастаньского и Рахманинова в духовной музыке и его судьба в среде русской эмиграции. Небезынтересно отметить и тот факт, что Сван явился переводчиком на английский язык опубликованной в США в 1953 году книги Асафьева «Русская музыка XIX и начала XX века», в которой дается очень высокая оценка роли Кастаньского в русской музыке. Кстати, в начале 1950-х годов И. А. Гарднер выполнил для одного из немецких издательств перевод книги Кастаньского «Основы народного многоголосия»²⁵.

Кастаньский стал если не самой заметной, то, по крайней мере, не забытой фигурой зарубежной историографии. Что касается разработки и публикации архивных первоисточников, связанных с композитором, то подобная работа по понятным причинам в западном музыкознании до последнего времени не велась. Источниковая база, на основе которой возведено большинство работ, заимствована из публикаций, впервые увидевших свет в России, где в течение долгих десятилетий проходил трудный и медленный процесс воскрешения подлинного облика Кастаньского.

На родине композитора большим событием стал подготовленный Д. В. Житомирским первый посвященный Кастаньскому сборник исследований и материалов²⁶. В нем были собраны некоторые как опубликованные, так и никогда ранее не издававшиеся тексты Асафьева о Кастаньском, приведена в обновленной редакции статья самого составителя сборника «Идеи и искания А. Д. Кастаньского», а также целый ряд воспоминаний о композиторе, написанных его детьми и учениками. (В этой же книге впервые вышли в свет отрывки из неизданного сочинения Кастаньского «Картины народных празднований на Руси», подготовленные к печати сыном автора.) Однако ракурс подачи материалов определял характеристику в нем Кастаньского в первую оче-

²⁴ О своей приверженности Кастаньскому Гарднер писал следующее: «С 14-летнего возраста я занимаюсь церковным пением и прошел все стадии: от преклонения пред Бортнянским и Веделем, через увлечение Львовым (моим двоюродным прадедом с материнской стороны), до беззаветной преданности знаменному роспеву и работам Кастаньского и его школы». (Письмо И. А. Гарднера к А. А. Свану от 4 мая 1953 — UVa, SC, Swan Music Coll. № 10093. Box 2. Folder: Correspondence — I. Gardner.)

²⁵ Письмо И. А. Гарднера к А. А. Свану от 4 мая 1953 года — Там же. По всей видимости, исследование Кастаньского о народной песне в переводе Гарднера так и не было опубликовано.

²⁶ А. Д. Кастаньский. Статьи. Воспоминания. Материалы. М., 1960.